

Жизнь и развитие бл. Августина до его крещения.

(Окончание).

Ослабление старой воли. Подъ вліяніемъ Гортензія, Августинъ перешель отъ отроческой непосредственности къ сознательности юношескихъ стремленій. Ранѣе въ своемъ поведеніи онъ опредѣлялся исключительно инстинктивными побужденіями, теперь предъ его сознаніемъ стоялъ разумный идеалъ мудреца, презирающаго вульгарныя удовольствія плоти и полагающаго цѣль жизни въ блаженствѣ исканія истины и обладанія ею. Подъ обаяніемъ этого идеала онъ предается поискамъ истинной религіи и пытается освободиться отъ своихъ плотскихъ пристрастій. Мы уже показали, подъ какими вліяніями и въ какой послѣдовательности сложились и получили опредѣленную форму его религіозно-философскія убѣжденія. Теперь намъ остается выяснить исторію его постепенного освобожденія отъ подавляющей силы господствующихъ страстей.

Цицеронъ очень краснорѣчиво разсуждалъ о мимолетности всѣхъ земныхъ благъ, о низменности чувственныхъ удовольствій, непрочности богатства, суетности славы, и безъ труда убѣдилъ въ этомъ Августина. Впечатлительный юноша, мечтавшій о благѣ всеобъемлющемъ и несокрушимомъ, разъ навсегда осудилъ свою чувственность и тщеславіе, но это осужденіе оставалось въ области его мысли и лишь съ большімъ трудомъ закоевывало его волю. Поэтому еще очень долго практическі, въ своей повседневной жизни, онъ руководился не идеаломъ мудреца, а преобладающими стремленіями своего „ветхаго человѣка“. Они даютъ общее напра-

вленіе его жизни и являются главными движущими силами его поведенія.

Это не трудно прослѣдить по его Исповѣди. Въ Кареагенѣ онъ предается неумѣренности похотей¹⁾, но главнымъ образомъ его снѣдаетъ честолюбіе, желаніе извѣстности, страстное стремленіе обнаружить предъ всѣми свои таланты и добиться ихъ признанія. Онъ не останавливается предъ публичными выступленіями въ театрѣ на состязаніяхъ въ декламаціи и стихосложенії²⁾. Исходъ предпріятія настолько волнуетъ молодого человѣка, что одинъ изъ шарлатановъ, какихъ не мало было въ то время, находитъ очень удобнымъ предложить ему магическая средства для обезпеченія побѣды³⁾. Августинъ съ негодованіемъ отклоняетъ это предложеніе, но все же получаетъ побѣдный вѣнокъ⁴⁾. Чувствуя въ себѣ литературный талантъ, онъ составляеть сочиненіе *De pulchro et apto* и посвящаетъ его римскому оратору Гіерію, извѣстному своимъ широкимъ образованіемъ и совершенствомъ, съ какимъ, будучи по происхожденію сирійцемъ, владѣлъ греческимъ и латинскимъ языками. Онъ считаетъ свой трактать по эстетикѣ выдающимся явленіемъ въ литературѣ и съ нетерпѣніемъ, хотя и напрасно, ждетъ сочувственнаго отзыва о немъ отъ римской знаменитости⁵⁾. Изъ Кареагена Августинъ переносить свою педагогическую дѣятельность въ Римъ главнымъ образомъ вслѣдствіе недоразумѣній съ учениками, но къ этому примѣшиваются и честолюбивыя поползновенія. Онъ не остается глухъ къ внушеніямъ друзей, сулившихъ ему въ столицѣ имперіи болѣе высокій гонорарь и болѣе завидную карьеру⁶⁾. По прѣездѣ въ Миланъ Августинъ проявляетъ тѣ же стремленія. Характеренъ въ этомъ отношеніи его взглядъ на св. Амвросія. Наиболѣе завиднымъ въ это время ему казалось политическое вліяніе епископа и его вѣсь при дворѣ. Онъ готовъ былъ бы признать св. Амвросія счастливцемъ, если бы только безбрачіе послѣдняго не казалось ему тѣгостнымъ. О духов-

¹⁾ Intemperantiam libidinum. Confes. IV, 1. Рус. п. I, 68.

²⁾ Ibid. IV, 1. Рус. п. I, 68.

³⁾ Ibid. IV, 3. Рус. п. I, 69.

⁴⁾ Ibid. IV, 5. Рус. п. I, 71.

⁵⁾ Ibid. IV, 23. Рус. п. I, 88.

⁶⁾ Ibid. V, 14. Рус. п. I, 109—110.

ныхъ же радостяхъ, посвѣщающихъ душу христіанина, онъ тогда даже и не догадывался, потому что ихъ не испыталъ¹⁾. Стремясь къ извѣстности, Августинъ до сихъ поръ былъ довольно равнодушенъ къ богатству и вѣнчаному успѣху въ жизни. Дѣятельность въ провинціальномъ Кареагенѣ не открывала для этого многообѣщающихъ перспективъ. Но обстоятельства измѣнились, когда, получивъ должность ритора въ Миланѣ, резиденціи императора, Августинъ оказался у самого источника мірскихъ благъ. У него были вліятельные друзья, имѣвшіе доступъ ко двору, на поддержку которыхъ онъ всегда могъ разсчитывать. Къ ихъ числу принадлежалъ его давнишній покровитель, Романіанъ²⁾, и его землякъ, африканецъ по происхожденію, Понтиціанъ³⁾. Самъ Августинъ по своей должности былъ принятъ при дворѣ⁴⁾ и въ торжественныхъ случаяхъ выступалъ предъ блестящимъ собраніемъ съ официальными рѣчами. Такъ онъ произнесъ панегирикъ въ честь консула Баутона⁵⁾ и рѣчь по случаю дня рожденія императора⁶⁾. Такимъ образомъ, у талантливаго ритора были всѣ данные для успѣха въ свѣтѣ, и онъ ими не пренебрегалъ. Имъ овладѣваютъ мечты о хорошемъ служебномъ положеніи, добиться котораго уже не такъ трудно при помощи вліятельныхъ друзей, и о выгодной женитьбѣ. Теперь ему кажется, что все это далеко не такъ несомнѣстимо съ достоинствомъ философа, какъ объ этомъ говорять. Развѣ мало было великихъ и достойныхъ подражанія мужей, которые были женаты, владѣли большими состояніемъ, и тѣмъ не менѣе были преданы мудрости⁷⁾? Не ограничиваясь мечтами, Августинъ удѣляетъ много времени визитамъ къ своимъ покровителямъ, чтобы поддерживать и освѣжать связи⁸⁾.

На ряду съ этими честолюбивыми стемленіями наибольшую власть надъ волей Августина проявляла чувственность.

¹⁾ Ibid. VI, 3. Рус. п. I, 128—129.

²⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 154—155.

³⁾ Ibid. VII, 14. Рус. п. I, 213.

⁴⁾ Possidius, Vita Augustini c. I. *Migne*, ser. lat. T. XXXII. p. 35.

⁵⁾ August. Contra litt. Petilian. III, 25.

⁶⁾ Confes. VI, 9. Рус. п. I, 135.

⁷⁾ Ibid. VI, 19. Рус. п. I, 150. VI, 9. Рус. п. I, 134. VI, 10. Рус. п. I, 136.

⁸⁾ Ibid. VI, 18. Рус. п. I, 149.

удовлетворение которой вошло въ привычку. Жизнь безъ женскихъ ласкъ и объятій представлялась ему однимъ сплошнымъ несчастіемъ¹⁾. Это были оковы, съ которыми онъ настолько сроднился, что уже боялся освобожденія отъ нихъ²⁾. На это время падаетъ намѣреніе Августина вступить въ бракъ. Онъ всегда считалъ бракъ поводомъ къ тысячѣ золъ и боялся тѣхъ мелочныхъ заботъ и огорченій, которыхъ иногда приносить съ собою женитьба³⁾. Поэтому онъ рѣшился на заключеніе брака, скорѣе уступая настояніямъ матери, чѣмъ по собственной инициативѣ⁴⁾. Но осуществленіе этого намѣренія само собою отлагалось на значительное время, такъ какъ невѣстѣ не доставало около двухъ лѣтъ до узаконенного для брака возраста⁵⁾. Тѣмъ не менѣе предложеніе, сдѣланное дѣвушкѣ, обязывало Августина отпустить конкубину, отъ которой онъ имѣлъ сына и къ которой онъ былъ очень привязанъ. Бѣдной женщинѣ не легко было перенести эту разлуку, однако она безъ ропота освободила отъ себя своего возлюбленнаго и дала обѣть предъ Богомъ не знать другого мужа. Но Августинъ стоялъ въ это время не на высотѣ такого героизма любви и совершилъ, быть можетъ, самый дурной поступокъ въ своей жизни. Разлука съ наложницей дала ему почувствовать, насколько сильна была надъ нимъ власть привычки. Его сердцу была нанесена глубокая рана, и казалось, что онъ истекаетъ кровью. Онъ убѣдился, что не можетъ обойтись безъ женскихъ ласкъ и немедленно по отъѣздѣ конкубины на родину взялъ себѣ другую. Послѣ только что проявленнаго въ такихъ трогательныхъ чертахъ великодушія со стороны бывшей подруги, Августинъ не могъ, конечно, съ легкимъ сердцемъ отиться новому увлеченню. Онъ былъ пристыженъ примѣромъ женщины, и болѣзнь, причиненная разлукой съ прежней конкубиной, не прошла вслѣдствіе новой связи, а только изъ острой превратилась въ хроническую⁶⁾.

Августинъ любилъ поговорить о томъ, что его занимало.

¹⁾ Ibid. VI, 20. Рус. п. 150.

²⁾ Ibid. VI, 21. Рус. п. I, 151.

³⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 159.

⁴⁾ Ibid. VI, 23. Рус. п. I, 153.

⁵⁾ Ibid. VI, 23. Рус. п. I, 154.

⁶⁾ Ibid. VI, 25. Рус. п. I, 156.

Онъ не считалъ себя счастливымъ, если не раздѣлялъ своихъ наслажденій съ друзьями. Поэтому ему доставляло большое удовольствіе распространяться въ ихъ обществѣ на эротическія темы ¹⁾). Въ особенности ему хотѣлось одержать побѣду надъ цѣломудреннымъ Алипіемъ. Послѣдній въ юности не чуждъ былъ плотскихъ увлеченій, но скоро почувствовалъ къ нимъ отвращеніе, и, еще не будучи христіаниномъ, удивляясь всѣхъ своимъ воздержаніемъ. Проникнутый глубокимъуваженіемъ къ Августину, онъ не могъ понять его порабощенія чувственности. Когда Августинъ рѣшился вступить въ бракъ, Алипій, видѣвшій въ семейной жизни препятствіе къ осуществленію идеала мудреца, всѣми силами удерживалъ своего друга отъ этого шага. Но Августинъ такими яркими красками изобразилъ предъ нимъ удовольствія брачной жизни и прелести женской любви, что возбудилъ въ немъ, если не желаніе, то любопытство. Стремясь испытать то, безъ чего жизнь казалась Августину сплошной мукой, Алипій едва не послѣдовалъ его примѣру ²⁾.

Однако къ тридцатилѣтнему возрасту господствующія страсти Августина, выступающія въ приведенныхъ фактахъ съ такой видимой свѣжестью и непосредственностью, были въ значительной степени надломлены его жизненнымъ опытомъ. Всѣ краски, когда то столь яркія, для него уже сильно поблекли, и въ глубинѣ его существа появилось мучительное раздвоеніе. Этотъ процессъ постепенного ослабленія его преобладающихъ страстей подъ вліяніемъ потерь, разочарованія и усталости, очень ясно отразился въ его Исповѣди.

Однимъ изъ главныхъ основаній, посредствомъ которыхъ Цицеронъ старался убѣдить своихъ читателей въ сутиности внѣшнихъ благъ, служила ихъ ненадежность предъ лицомъ смерти. Уже это должно было до некоторой степени охлаждать эпікуреїскіе вкусы юноши Августина. Но теоретическія разсужденія о смерти обыкновенно оказывають мало вліянія на нашу волю. Всѣ мы хорошо знаемъ, что умремъ, но или постоянно забываемъ объ этомъ или вспоминаемъ, но безъ большого волненія, однако для каждого наступаетъ моментъ,

¹⁾ Ibid. VI, 26. Рус. п. I, 157.

²⁾ Ibid. VI, 21—22. Рус. п. I, 151—153.

когда на него падаетъ черная тѣнь смерти и все окрашивается въ пепельный цвѣтъ. Тогда то неизбѣжность потери всего, что намъ дорого на землѣ, и сознаніе тщетности всѣхъ усилий удержать летящее леденящимъ дыханіемъ охватываетъ все наше существо. Для Августина такой моментъ наступилъ очень рано, вскорѣ по окончаніи образованія въ Кареагенѣ, во время его непродолжительной преподавательской дѣятельности въ Тагастѣ. У него былъ другъ, товарищъ по школѣ, участникъ его дѣтскихъ игръ, и дружба эта была для Августина слаше всѣхъ прелестей жизни. Но налетѣла внезапная болѣзнь, и юноши не стало. Горю и печали Августина не было предѣловъ. Онъ ни въ чемъ не находилъ для себя успокоенія: „ни въ пріятныхъ рощахъ, ни въ играхъ и пѣніи, ни въ благоухающихъ лугахъ, ни въ изысканныхъ пиршествахъ; ни въ удовольствіяхъ опочивальни и ложа, ни, наконецъ, въ книгахъ и стихотвореніяхъ. Все внушило ужасъ, даже самый свѣтъ. Все, что было не онъ, стало ничтожнымъ и ненавистнымъ“ ¹⁾). Впослѣдствіи Августинъ находилъ въ такихъ случаяхъ угашеніе въ Богѣ. Но теперь это было для него еще недоступно, потому что за Бога онъ принималъ фантазму, призракъ, нѣчто менѣе реальное, чѣмъ оплакиваемый другъ. „Я зналъ, Господи, говорить онъ, что къ Тебѣ нужно было вознести душу, чтобы она получила исцѣленіе, но я этого не хотѣлъ и не могъ, тѣмъ болѣе, что Ты не представлялъ для меня чего-либо плотнаго и твердаго, когда я размышлялъ о Тебѣ. Ибо это былъ не Ты, а пустая фантазма; мое заблужденіе было Богомъ моимъ. Если бы я попытался возложить сюда душу мою для ея успокоенія, она провалилась бы сквозь пустоту и снова низверглась бы на меня; и я опять остался бы для себя мѣстомъ бѣдствія, гдѣ я не могъ оставаться и откуда не могъ убѣжать“ ²⁾). Августинъ не зналъ, что въ Богѣ стоитъ неподвижно уходящее отъ насъ въ этомъ мірѣ, и тѣмъ острѣѣ почувствовалъ онъ тлѣнность и неудержимую мгновенность земныхъ благъ. Со всей своей неотвратимостью и неизбѣжностью стала предъ нимъ неумолимая смерть. „На что ни бросалъ я свой взглядъ, все было смертью“ ³⁾), гово-

¹⁾ Ibid. IV, 12. Рус. п. I, 78—79.

²⁾ Ibid. IV, 12. Рус. п. I, 79.

³⁾ Ibid. IV, 9. Рус. п. I, 75.

рить онъ. „Во мнѣ было, продолжаетъ онъ, и величайшее отвращеніе къ жизни и страхъ смерти. Думаю, что чѣмъ больше любилъ я друга, тѣмъ болѣе ненавидѣлъ и боялся смерти, какъ жесточайшаго врага, отнявшаго его у меня, и мнѣ казалось, что она готова неожиданно истребить всѣхъ людей, если не пощадила его“¹⁾... Кто хоть однажды стоялъ такъ предъ лицомъ смерти и такъ интимно переживалъ ее мрачную силу, для того навсегда закрыто беззаботное наслажденіе убѣгающими мгновеніями земной радости. Подъ вліяніемъ этого событія въ Августинѣ зародилось чувство, которому онъ далъ точное выраженіе: „я былъ несчастенъ, и несчастна всякая душа, связанная любовью къ вещамъ смертнымъ; теряя ихъ, она терзается и чувствуетъ нищету, въ которой находилась и ранѣе ихъ утраты“²⁾. Теперь то, что проповѣдывалъ Цицеронъ, изъ области мысли проникло въ сферу чувства. Пережитой опытъ притупилъ для Августина остроту земныхъ радостей. Вкусъ къ нимъ онъ не потерялъ, но страхъ смерти и неизвѣстность посмертной судьбы совершили ихъ обезцѣнили. Поэтому много времени спустя Августинъ увѣрялъ друзей, что Эпікуръ былъ бы вполнѣ правъ, если бы не существовало смерти и загробнаго воз-
даянія. Ему казалось, что можно было бы удовлетвориться благами этого міра, если бы можно было не бояться ихъ утраты вмѣстѣ съ неизбѣжной потерей самой жизни³⁾. Однако и помимо мысли о смерти служеніе господствующимъ страстямъ оставляло въ душѣ Августина много горечи.

Удовольствія плоти вообще не могутъ насытить души человѣка, потому что они слишкомъ мимолетны. Когда страсть опьяняетъ умъ, воображеніе рисуетъ соблазнительныя картины, но когда она уголена, воображеніе остается холоднымъ, а изъ нѣдръ духовнаго существа возникаетъ реакція высшихъ потребностей, забытыхъ и неудовлетворенныхъ. Мгновенность чувственныхъ наслажденій оставляетъ неиспользованнымъ огромный запасъ чисто духовныхъ силъ, ищущихъ для себя исхода въ соответствующей имъ дѣятельности. Отсюда получается ощущеніе духовной пустоты

¹⁾ Ibid. IV, 11. Рус. п. I, 77.

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid. VI, 26. 19. Рус. п. I, 157. 149—150.

тѣмъ болѣе острое, чѣмъ полнѣе природа одарила данную личность въ духовномъ отношеніи. Могли ли при такихъ условіяхъ чувственная наслажденія наполнить жизнь Августина съ его пытливымъ, находившимся въ постоянномъ движеніи, умомъ, съ его глубокимъ чувствомъ, съ его огромными духовными запросами и совершенно исключительной интенсивностью внутренней жизни? И дѣйствительно, еще въ ранней молодости онъ чувствовалъ, что находится на ложной дорогѣ. Онъ жаждалъ какого-то великаго блага, которое могло бы вполнѣ насытить его сердце, но не зная, въ чёмъ состоитъ оно, ошибочно принималъ за него плотскую любовь, а послѣдняя, охладивъ его порывы, оставляла въ душѣ лишь пустоту и горечь. „Ты всегда находился при мнѣ, милосердно-строгій, обращается Августинъ къ Богу, и примѣшивалъ къ моимъ недозволеннымъ удовольствіямъ горчайшія разочарованія, побуждая этимъ меня искать наслажденій безупречныхъ“ ¹⁾. „Боже мой, мой милосердный, съ какою горечью смѣшивалъ Ты мои наслажденія и какъ благъ былъ Ты ко мнѣ“ ²⁾. „У меня былъ внутренний голодъ, желаніе внутренней пищи, Тебя Самого, Боже мой, и этого голода я не замѣчалъ; но я не желалъ пищи нетлѣнной не потому, что былъ ею пресыщенъ, а наоборотъ, тѣмъ непріятнѣе она мнѣ казалась, чѣмъ болѣе ея мнѣ не доставало. И потому больна была душа моя; покрытая чесоткой, она жалкимъ образомъ устремлялась къ внѣшнему миру, страстно желая утолить зудъ прикосновеніемъ къ чувственному“ ³⁾.

Еще больше испытаній встрѣтилъ Августинъ на пути своихъ честолюбивыхъ домогательствъ. Тщеславіе вообще обходится человѣку не дешево. Оно требуетъ все новыхъ и новыхъ усилий, чтобы не только сохранять за собою занятія позиціи, но и подвигаться впередъ. Заботы о внѣшнемъ положеніи и погоня за успѣхомъ въ жизни сопряжены съ борьбой, опасеніями, напрасными усилиями, обманутыми расчетами, неоправдавшимися надеждами. Душа размѣняется на мелочь, и человѣкъ чувствуетъ, что онъ не живетъ.

¹⁾ Ibid. II, 4. Рус. п. I, 31.

²⁾ Ibid. III, 1. Рус. п. 44—45.

³⁾ Ibid.

веть, а расходуетъ жизнь малыми долями для достиженія какихъ-то призрачныхъ цѣлей. Тяжесть общественной дѣятельности, руководимой честолюбіемъ, особенно остро чувствовалась въ эпоху Августина, можетъ быть, вслѣдствіе ничѣмъ не сдержанного деспотизма власти и безправія личности, которая находилась въ полной зависимости отъ каприза сильного и никакой бдительностью не могла предупредить катастрофы, подкарауливающей на каждомъ шагу. Характеренъ для того времени слѣдующій случай. Два молодыхъ придворныхъ чиновника съ прекрасными видами на будущее, выйдя на прогулку и случайно натолкнувшись на монашескую хижину, до такой степени увлекаются свободой и независимостью бѣдности, что тотчасъ же рѣшаются не возвращаться больше на службу, и вотъ какими словами рисуетъ Августинъ ихъ побужденія. „Скажи, прошу тебя, обращается одинъ изъ нихъ къ другому, чего мы стараемся достигнуть всѣми нашими трудами? Чего мы ищемъ? Ради чего боремся? Можемъ ли мы надѣяться достигнуть при дворѣ большаго, чѣмъ стать друзьями императора? А въ этомъ положеніи что прочно, что не полно опасностей? И чрезъ сколько опасностей нужно пройти, чтобы добиться этой, еще большей опасности! Да и когда то это еще будетъ“¹⁾? Глубокая усталость и тревога за свою судьбу чувствуется въ этихъ словахъ. Таково же было настроеніе Августина въ Миланѣ послѣ того, какъ, достигнувъ обезпеченнаго положенія, онъ сталъ увлекаться перспективами дальнѣйшаго движенія. Заботы, тревоги и опасенія, которые доставляла ему общественная дѣятельность, служили постоянной темой для разговоровъ его съ друзьями. Въ его кружкѣ все время жаловались на невыносимость создавшагося положенія, мечтали о томъ, чтобы, отказавшись отъ всѣхъ общественныхъ обязанностей, на свободѣ предаться философіи и мудрости, но не имѣли силъ разрубить узелъ и проклинали свою нерѣшительность²⁾. Хорошимъ показателемъ душевной усталости Августина служитъ одно обстоятельство. Онъ готовилъ похвальную рѣчь, которую долженъ былъ произнести предъ императоромъ. Необходимо было

¹⁾ Ibid. VIII, 15. Рус. п. I, 215.

²⁾ Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147—148. VI, 9. Рус. п. I, 134.

приложить особенное стараніе, чтобы не повредить своей репутаціи, какъ оратора, и удовлетворить вкусамъ общества, предъ которымъ приходилось выступать. При такихъ усло-вияхъ нельзя было останавливаться предъ лестью, и хорошо освѣдомленные въ придворныхъ нравахъ друзья Августина давали ему самыя настойчивыя указанія въ этомъ смыслѣ. Для правдивой натуры Августина эта сдѣлка съ совѣстю была не легка. Предстоящее выступленіе повергало его въ состояніе крайней озабоченности. Душа его горѣла какъ въ лихорадкѣ. Проходя въ этомъ настроеніи съ друзьями по какому-то переулку, онъ встрѣтилъ здѣсь пьяного нищаго, который балагурилъ съ самой беззаботной веселостью, и отъ души позавидовалъ ему. Всѣми своими трудами и заботами, говоритъ Августинъ по этому поводу, „мы хотѣли добиться только прочной радости, а этотъ ницій уже предупредилъ насъ въ томъ, чего мы можетъ быть никогда не получимъ. Чего достигъ онъ при помощи нѣсколькихъ выпрошенныхъ грошей, т.-е. радости временнаго счастья, къ тому я только шелъ утомительными обходами и извилинами. Правда, онъ располагалъ не истинной радостью, но я своими честолюбивыми стремленіями искалъ своей радости на гораздо болѣе ложномъ пути. И во всякомъ случаѣ онъ радовался, а я былъ озабоченъ; онъ чувствовалъ себя въ безопасности, а я трепеталъ“¹⁾). Такимъ образомъ, честолюбивыя замыслы Августина въ Миланѣ не отличались уже тѣмъ молодымъ задоромъ, съ какимъ когда-то онъ искалъ для себя побѣденыхъ вѣнковъ на подмосткахъ кареагенского театра.

Тревогамъ и непріятностямъ общественной дѣятельности Августинъ и его друзья противопоставляли идеалъ мудреца, свободного отъ всѣхъ обязательствъ и живущаго исключительно въ сферѣ умственныхъ интересовъ. По мѣрѣ возможностей, каждый изъ друзей стремился приблизиться къ нему и обеспечить себѣ философскую свободу и независимость. Послѣдовательнѣе всѣхъ былъ въ этомъ отношеніи Небридій. Африканецъ по происхожденію, онъ переселился въ Миланъ вслѣдъ за Августиномъ, чтобы жить вмѣстѣ съ нимъ „въ самомъ страстномъ изученіи истины и мудрости“²⁾. Желая

¹⁾ Ibid. VI, 9—10. Рус. п. I, 134—137.

²⁾ Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147.

имѣть какъ можно больше досуга для своихъ философскихъ занятій, чтенія и бесѣдъ о мудрости, онъ не только уклонялся отъ общественной дѣятельности, но тщательно избѣгалъ встрѣчи и знакомства съ людьми вліятельными¹⁾). По-видимому, это уклоеніе отъ службы объясняется тѣмъ, что онъ былъ человѣкъ состоятельный и не нуждался въ средствахъ къ жизни²⁾). Алипій, получившій право заниматься адвокатурой, въ это время былъ свободенъ въ ожиданіи тѣхъ, „кому онъ могъ бы продавать свои совѣты“³⁾). Онъ горячо убѣждалъ Августина отказаться отъ брака, какъ препятствія къ осуществленію ихъ общей мечты „жить въ безопаснѣ досугѣ и любви къ истинѣ“⁴⁾). Съ девятнадцатаго года стремился къ этому и Августинъ⁵⁾, а беззкоїства борьбы и тревогъ только усиливали въ немъ желаніе оставить все и посвятить себя всецѣло жизни философа и мыслителя⁶⁾). Главнымъ препятствіемъ къ осуществленію этихъ стремленій, кромѣ честолюбивыхъ замысловъ, служилъ однако вопросъ о средствахъ къ жизни. Чтобы устранить его, въ кружкѣ Августина мало-по-малу составился планъ философской коммуны⁷⁾). До десяти человѣкъ изъявили желаніе принять въ ней участіе и предоставить свои личныя средства въ общее пользованіе. Болѣе всѣхъ другихъ былъ увлеченъ идеей старшій членъ кружка, Романіанъ, голосъ котораго въ этомъ дѣлѣ имѣлъ особенный вѣсъ, такъ какъ онъ былъ очень богатъ⁸⁾). Предполагалось ежегодно избирать изъ числа членовъ общины по два лица для завѣдыванія хозяйствомъ, чтобы прочие могли быть свободны отъ всякихъ заботъ⁹⁾). Но при составленіи этого прекраснаго плана друзья не подумали о томъ, что скажутъ о немъ ихъ жены, которыхъ некоторые уже имѣли, а другіе, какъ Августинъ, предполагали имѣть. Достаточно было поставить этотъ вопросъ

¹⁾ Ibid. VII, 13. Рус. п. I, 213.

²⁾ Relicto rure paterno optimo. Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147.

³⁾ Ibid. VII, 13. Рус. п. I, 212.

⁴⁾ Ibid. VI, 21. Рус. п. I, 151.

⁵⁾ Ibid. VI, 18. Рус. п. I, 148.

⁶⁾ Ibid. VI, 19. Рус. п. I, 149.

⁷⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 154.

⁸⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 154—155.

⁹⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 155.

на обсуждение, чтобы мечта разсъялась какъ дымъ. Планъ рухнулъ, и друзьямъ вичего не оставалось, какъ только снова обратиться къ обычнымъ жалобамъ и вздохамъ¹⁾.

Но хотя честолюбіе, причинявшее столько разочарованій, постепенно ослабѣвало въ Августинѣ, однако, несмотря на всѣ свои порывы къ независимости и свободѣ, онъ не находилъ въ себѣ силы удалиться отъ общественной жизни. Еще изъ чтенія Гортензія онъ вынесъ убѣжденіе, что не только обладаніе истиной, но и самое исканіе ея нужно предпочитать всѣмъ сокровищамъ и царствамъ земныхъ²⁾. Но въ дѣйствительности это убѣжденіе не было еще реальной силой въ его душѣ, способной опредѣлять его къ дѣятельности. Оно не перешло еще въ область его воли. Это объясняется тѣмъ, что у него не было еще твердыхъ и неизыблемыхъ принциповъ, углубленіе которыхъ могло бы дать ему внутреннее удовлетвореніе и наполнить его жизнь. Не нужно забывать, что описываемое состояніе нерѣшительности относится къ эпохѣ его скептицизма. Какъ бы ни была для него тяжела общественная дѣятельность, но ей нечего было противопоставить. Съ обычной жизнью міра его связывала честолюбивая воля, хотя и надломленная, но не было воли оторваться отъ осуждаемаго, чтобы посвятить себя жизни философа. Самымъ опредѣленнымъ образомъ Августинъ говорить, что не имѣлъ силъ сдѣлать рѣшительный шагъ потому, что у него не было ничего прочного и достовѣрнаго, не было истины, ради которой онъ могъ бы отвергнуть все³⁾. Изъ этой нерѣшительности его вывело знакомство съ неоплатонической философіей и послѣдовавшее за нимъ чтеніе посланій ап. Павла. Подъ руководствомъ неоплатониковъ онъ позналъ вѣчную и неизмѣняемую истину, господствующую надъ умомъ человека. Сразу предъ нимъ открылись необозримыя перспективы. Принципы были даны и можно было отдать жизнь ихъ углубленію. А одушевленіе ап. Павла зажгло въ немъ любовь ко Христу. Такъ родилась въ немъ новая, сначала еще слабая воля, которой предстояло развиваться на счетъ старой и, наконецъ, разрушить ее окончательно.

¹⁾ Ibid. VI, 24. Рус. п. I, 155.

²⁾ Ibid. VII, 17. Рус. п. I, 218.

³⁾ Ibid. VI, 17. Рус. п. I, 147—148. VII, 18. Рус. п. I, 148.

Возникновеніе новой воли. Св. Писаніе, къ чтенію котораго бл. Августинъ приступилъ, познакомившись съ неоплатонической философіей, произвело на него большое впечатлѣніе. Руководясь принципами аллегорического толкованія, которое стало ему извѣстно изъ проповѣдей св. Амвросія, онъ все болѣе и болѣе убѣждался въ согласіи Ветхаго и Нового Завѣтovъ. Въ этомъ случаѣ его личное впечатлѣніе лишь подтверждало то, о чёмъ съ такой настойчивостью проповѣдалъ св. Амвросій¹⁾.

Гораздо большее вліянія на его слагающіяся религіозныя убѣжденія и настроеніе оказало замѣченное имъ сходство и различіе между неоплатонизмомъ и Библіей. При переходѣ отъ Плотина къ Новому Завѣту, полный новыхъ для него платоническихъ идей, Августинъ естественно проводилъ параллель между произведеніями философа и Св. Писаніемъ. При этомъ его поразило какъ сходство, такъ и глубокое расхожденіе между ними. Сходство касалось главнымъ образомъ ученія о Богѣ и Его нематеріальности, о Божественномъ Словѣ и Его вѣчномъ рожденіи отъ Отца²⁾). Различіе же сводилось къ отсутствію въ философіи Плотина идеи воплощенія³⁾ и къ совершенно иному духу и религіозному настроенію, проникающему Писаніе⁴⁾.

Когда Августинъ убѣдился, что Писаніе содережить въ себѣ идеи, которыхъ проповѣдала въ то время самая знаменитая и уважаемая школа, и которыми самъ онъ овладѣлъ съ такимъ трудомъ, его взглядъ на отношеніе разума къ авторитету окончательно сложился и выяснился. Еще ранѣе Августинъ призналъ необходимымъ руководствоваться въ своихъ религіозныхъ ис坎іяхъ авторитетомъ церкви. Но онъ далекъ былъ отъ мысли принять ученіе церкви безъ изслѣдованія, на вѣру. Авторитетъ церкви служилъ для него указаніемъ, на что въ первую очередь онъ долженъ направить свою критическую, вопрошающую и изслѣдующую мысль. Основаніе для этого было чисто вицѣщее—быстрый ростъ и повсюдное распространеніе церкви, рекомендующей Писаніе въ качествѣ

¹⁾ Ibid. VII, 27. Рус. п. I, 194.

²⁾ Ibid. VII, 13—14. Рус. п. I, 176—178.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid. VII, 27. Рус. п. I, 194—196.

источника познанія истины. Онъ шелъ въ школу вселенской церкви, какъ неопытный юноша, желающій изучить медицину или краснорѣчие, обращается къ учителю, имя котораго пользуется наибольшою известностью. Незнакомый съ этими науками, онъ лишенъ еще возможности судить лично, насколько освѣдомленъ въ нихъ избранный учитель. Но наступить время, когда, обогатившись познаніями, онъ удостовѣрится, что учитель вполнѣ заслуживаетъ своей популярности. Познакомившись съ неоплатониками и видя, что всѣ лучшіе выводы ихъ научныхъ изслѣдований, содержатся въ Св. Писаніи, Августинъ оправдалъ для себя авторитетъ церкви внутренне и очень пожалѣль, что не принялъ на вѣру ея ученія о духовности Бога въ то время, когда еще на могъ понять его. Среди членовъ церкви есть много людей простыхъ, которые не въ состояніи видѣть въ себѣ самихъ неизмѣняемую истину и такимъ образомъ убѣдиться въ бытіи Бога и Его нематеріальности. Но церковь требуетъ отъ нихъ вѣры въ то, что у Бога нѣтъ рукъ, ногъ, человѣческаго лица. И повинуясь авторитету, они принимаютъ на вѣру эту истину, еще для нихъ непонятную¹⁾. Какъ бы удивился Платонъ, если бы могъ видѣть, что такое огромное количество необразованныхъ мужчинъ и женщинъ среди самыхъ различныхъ народовъ признаютъ и проповѣдуютъ истину духовности Бога. Вѣдь самъ возвысившись до понятія Бога какъ Существа, доступного лишь интеллектуальному познанію, философъ этотъ не допускалъ, чтобы толпа могла когда-либо отрѣшилась отъ грубо чувственныхъ представлений²⁾. Но церковь на этомъ не останавливается. Она ведетъ своихъ плотскихъ чадъ, этихъ младенцевъ въ познаніи истины, отъ вѣры въ духовность Бога къ познанію ея. Съ этой цѣлью она борется съ пристрастіемъ человѣка къ чувственному и внушаетъ вѣрующимъ, что очи, руки, ноги, крылья, когда Библія приписываетъ ихъ Богу, обозначаютъ божественные потенціи, соотвѣтствующія дѣятельности этихъ членовъ въ человѣческомъ тѣлѣ³⁾. Чувствуя, что при всемъ своемъ образованіи, онъ стоялъ некоторое время въ своемъ представлени

¹⁾ De utilit. cred. 35.

²⁾ De vera relig. 2—5. Рус. и. VII, 2—7.

Contr. epist. Fund. 25.

ніи о Богѣ гораздо ниже этихъ младенцевъ въ познанії¹⁾, Августинъ съ раскаяніемъ сталъ помышлять о томъ, что съ самаго начала оказалъ слишкомъ мало довѣрія церкви. Правда, онъ пришелъ теперь къ тому же, чemu учить и она, но послѣ какихъ заблужденій и страданій, какимъ окольнымъ и извилистымъ путемъ. Желая избѣжать антропоморфизма въ представленіи о Богѣ и удаляясь поэтому отъ церкви, онъ все же не могъ мыслить о Богѣ иначе, какъ надъ формою тѣла²⁾. Въ концѣ концовъ всѣ эти наблюденія, сопоставленія, воспоминанія и чувства формулировались въ сознаніи Августина въ одинъ рѣшительный выводъ: „отчайвающіеся въ возможности найти въ каѳолическомъ ученіи то, чего они ищутъ, становятся игрушкой заблужденій, но если настойчиво предаются изслѣдованіямъ, то послѣ великихъ усилий, измученные, жаждущіе и почти мертвые возвращаются къ тѣмъ самымъ источникамъ, которые такъ неосмотрительно покинули“³⁾.

При изученіи Св. Писанія Августинъ нашелъ въ немъ много новаго по сравненію съ сочиненіями Плотина, и этотъ элементъ повліялъ не столько на его убѣжденія, сколько на его религіозное чувство. Съ этого момента начинаетъ опредѣляться характеръ его внутренняго отношенія къ Богу. Новыми духомъ повѣяло на него изъ посланій апостола язычниковъ. Это прежде всего тотъ паѳосъ, съ которымъ ап. Павелъ призывалъ всѣхъ покинуть гибельныя надежды на собственныя силы и всецѣло предать себя благодати Божией. Августинъ не зналъ его ранѣе. До сихъ поръ онъ предавался исканіямъ, полагаясь исключительно на силу своего ума и таланта. Онъ хотѣлъ овладѣть истиной и блаженною жизнью, не прибѣгая къ Божьей помощи. Знакомство съ неоплатонизмомъ и открывшіеся предъ нимъ горизонты окрылили его новыми надеждами и воскресили въ немъ прежнюю самоувѣренность. Онъ съ жаромъ развивалъ свои новые взгляды предъ друзьями и сталъ смотрѣть на себя какъ на человѣка очень свѣдущаго въ философіи, почти какъ на осуществленіе идеала мудреца⁴⁾. Наоборотъ, въ по-

¹⁾ Confes. IV, 31. Рус. п. I, 95—96.

²⁾ Confes. V, 19. Рус. п. I, 116—117.

³⁾ De Genes. contr. Manich. I, 2.

⁴⁾ Ibid. VII. 26. Рус. п. I, 192—193.

сланіяхъ ап. Павла онъ нашелъ пламенное выражение чувства беспомощности опутанного грѣхомъ человѣка и тщетности всѣхъ попытокъ собственными усилиями осуществить Законъ Божій, которому сочувствуетъ умъ (Рим. VII, 23—25). Вмѣстѣ съ этимъ всѣ блага, которыми располагаетъ человѣкъ, представлялись здѣсь даромъ милости Божией. Впервые Августинъ начинаетъ помышлять о томъ, что нѣтъ у человѣка ничего, чего онъ не получилъ бы (I Кор. IV, 7), что не только постигнутая истина, но и самая способность ея постиженія, дана ему Богомъ¹⁾. И подъ вліяніемъ этого въ немъ зарождается настроеніе, которое, созрѣвъ много времени спустя, выразилось въ знаменитыхъ словахъ: „Вся надежда моя не въ чемъ иномъ, какъ въ безпредѣльномъ милосердіи Твоемъ. Дай, что повелѣваешь, и повелѣвай, что хочешь“²⁾.

Когда Августинъ сталъ проникаться духомъ ап. Павла, предъ нимъ въ совершенно новомъ свѣтѣ предстало личность Христа и Его значеніе, а это въ свою очередь послужило ядромъ, вокругъ которого начало кристаллизоваться его новое религіозное настроеніе. Въ періодъ своего увлеченія манихѣйствомъ, Августинъ не придавалъ никакого значенія воплощенію Сына Божія. Болѣе того, оно казалось ему оскверненіемъ, недостойнымъ святыни Бога. Сынъ Божій — это эманация свѣтовой субстанціи Бога, простершаяся для нашего спасенія. Тѣло Иисуса Христа было простою видимостью³⁾. Въ чёмъ состояла дѣятельность Сына Божія, имѣвшая цѣлью спасеніе, Августинъ не говорить. Нѣтъ также въ Исповѣди данныхъ, которые показывали бы, что это манихѣйское представление объ Искупителѣ возбуждало въ Августинѣ какія-либо специфическія чувства къ Нему⁴⁾.

Послѣ разрыва съ манихѣйствомъ, Августинъ рѣшилъ искать истины въ томъ направленіи, которое указываетъ авторитетъ церкви, т.-е. въ Св. Писаніи. Но изъ этого источника онъ намѣренъ былъ принять лишь то, для чего найдемъ разумныя основаія, что пойметъ въ немъ. Это рѣшеніе внесло коренное измѣненіе въ его христологическія воззрѣ-

¹⁾ Ibid. VII, 27. Рус. п. I, 194.

²⁾ Ibid. X, 40. Рус. п. I, 299.

³⁾ Ibid. V, 20. Рус. п. I, 118.

⁴⁾ O. Scheel, Die Anschauung Augustins über Christi Person und Werk. S. 13—15.

нія. Въ Св. Писаніи былъ вполнѣ понятенъ для него образъ исторического Христа, Который ъль, пиль, радовался, печалился, чудеснымъ образомъ родился оть Дѣвы, но непонятна была возможность соединенія Слова Божія съ человѣкомъ Іисусомъ въ единствѣ ипостаси. Идея духовности Бога была еще чужда Августину. Ученіе о второй ипостаси также разъяснило ему только неоплатонизмъ. Наконецъ, воплощеніе казалось ему несомнѣстимъ съ неизмѣняемостью и безграничностью Бога. Поэтому онъ не могъ даже и предполагать, какая тайна заключается въ изреченіи: *Слово стало плотью*. Въ это время онъ видѣлъ въ I. Христѣ человѣка, чудеснымъ образомъ рожденаго оть Дѣвы, необыкновенно одареннаго оть природы, но не вслѣдствіе воплощенія въ Немъ Сына Божія, а въ силу болѣе совершенного причастія мудрости, человѣка, состоящаго изъ тѣла и разумной, но измѣняемой души. Такимъ образомъ, между человѣкомъ Іисусомъ и Божественнымъ Словомъ Августинъ не допускалъ никакого личнаго отношенія. Христосъ былъ для него не болѣе какъ пророкъ и проповѣдникъ. Этимъ опредѣлялся и характеръ его чувствъ къ Спасителю. Онъ любилъ и уважалъ Его какъ заботливаго учителя, Который Своимъ примѣромъ вдохнулъ въ человѣка силы презирать временные блага для достиженія вѣчнаго блаженства¹⁾.

Новые слагаемыя появляются въ его религіозной жизни послѣ ознакомленія съ философіей Плотина. Отъ неоплатониковъ онъ научился видѣть Истину, которую онъ отождествилъ съ Богомъ или, частнѣе, со второй ипостасью, Божественной Премудростью. Открывшійся предъ его духовнымъ взоромъ интеллектуальный свѣтъ воспламенилъ его душу любовью. При видѣ этого свѣта сердце его затрепетало отъ любви и страха. Высокая задача предстала предъ нимъ—владѣть этимъ свѣтомъ и претвориться въ его духовность и неизмѣняемость. Какъ бы свыше слышался ему призывъ, исходящій отъ самой Истины: „Я пиша взрослыхъ. Расти и будешь вкушать Меня. Но не ты претвориша Меня въ себя, какъ пишу плоти своей, но ты претворишишься въ Меня“²⁾). Идеальная красота безплотной истины влекла его къ себѣ

¹⁾ Ibid. VII, 25. Рус. п. I, 190.

²⁾ Ibid. VII, 16. Рус. п. I, 181.

изъ области чувственного и материального въ сферу блажен-
наго созерцанія духовныхъ цѣнностей. Но еще непривычный
къ такимъ интеллектуальнымъ экстазамъ, онъ ниспадалъ съ
высоты ихъ къ фантазмамъ, среди которыхъ такъ долго вра-
щался его умъ. Неоплатоническая идея создала въ немъ и
неоплатоническое настроение. Это не что иное, какъ плато-
ническій эросъ, влекущій душу отъ прекрасныхъ тѣлъ къ
прекраснымъ душамъ и отъ прекрасныхъ душъ къ той умо-
постигаемой красотѣ идей, которая дѣлаетъ прекрасными
самыя души, причастныя ей.¹⁾ Однако, эти порывы чувства,
зовущіе душу за грани міра, не могли создать личной любви
къ Богу, которая сообщала впослѣдствіи столько самобытно-
сти религіозному энтузіазму Августина. Оцѣнивая впослѣд-
ствіи жизнь своего сердца за этотъ періодъ съ точки зре-
нія завершившагося развитія, Августинъ сравнивалъ себя и
своихъ учителей, неоплатониковъ, съ людьми, которые, под-
нявшись на поросшую лѣсомъ вершину, видя грядущее оте-
чество мира, но въ заросляхъ не могутъ найти дороги, ве-
дущей къ нему²⁾. Въ это время чувства, возбуждаемыя
Истиной, и любовь ко Христу какъ къ Учителю въ душѣ
Августина текли двумя несливающимися струями, потому
что его религіозныя убѣжденія не устанавливали никакой
связи между Божественной Премудростью и мудрымъ чено-
вѣкомъ Иисусомъ. Для него это были двѣ личности, не имѣю-
щія между собою ничего общаго. Но по законамъ психологіи
чувств, связанныя съ представлѣніями, сливаются и измѣ-
няютъ другъ друга, когда вступаютъ между собою въ извѣст-
ное отношеніе самыя представлѣнія, носители этихъ эмоцій.

Нѣкоторое время Августину казалось, что, признавая Хри-
ста простымъ чено-вѣкомъ, но надѣленнымъ исключительной
мудростью, онъ находится въ полномъ согласіи съ ученіемъ
каѳолической церкви о личности Иисуса³⁾. Но болѣе
близкое знакомство съ Новымъ Завѣтомъ и съ церковной
догматикой разсѣяло это заблужденіе. Онъ воспринялъ, на-
конецъ, идею воплощенія Слова Божія въ Иисусѣ. Божествен-
ная Премудрость, созерцаемая умомъ, становится для него

¹⁾ Ibid. VII, 23. Рус. п. I, 187.

²⁾ Ibid. VII, 26. Рус. п. I, 193.

³⁾ Ibid. VII, 25. Рус. п. I, 191—192.

съ этого времени единой личностью съ историческимъ Христомъ, а вмѣстѣ съ этимъ получаетъ новую форму и его сердечное отношение ко Христу. Энтузіазмъ, который возбудило въ немъ созерцаніе Истины, бросаетъ свой отблескъ и на Ея воплощеніе во Христѣ, а чувства, внушенныя божественнымъ Учителемъ, сообщаютъ болѣе конкретную форму этому энтузіазму. Августинъ продолжаетъ искать блаженства въ созерцаніи Божественной Премудрости умомъ, освободившимся отъ обольщія фантазмъ, но эта премудрость является единой личностью съ человѣкомъ Иисусомъ, и этотъ человѣкъ безконечно превосходитъ всѣхъ святыхъ по силѣ обитающаго въ Немъ Слова Божія. Онъ продолжаетъ смотрѣть на Христа какъ на Учителя, преподающаго людямъ Божественную Истину въ осязательной для нихъ и близкой имъ человѣческой формѣ, но въ этомъ Учителѣ онъ видитъ снисшедшую къ людямъ Премудрость Божію¹⁾.

Но идея воплощенія, по свидѣтельству Исповѣди, имѣла еще болѣе важное вліяніе на характеръ религіознаго настроенія Августина. Соединеніе Божественной Премудрости въ единствѣ личности съ Учителемъ отреченія и воздержанія, человѣкомъ Иисусомъ, выдвигало на первый планъ уничиженіе Истины. Ея смиреніе, отказъ отъ Божественной славы и явленіе въ убожествѣ раба, величайшее самопожертвованіе для спасенія тѣхъ, кто былъ ей враждебенъ, снисхожденіе любви, возбуждающее отвѣтную любовь. До чѣмъ-тоской степени стали понятны Августину слова ап. Павла о принятіи Сыномъ Божіимъ, равнымъ Богу, образа раба, о Его послушаніи и смиреніи даже до смерти и о Его послѣдующемъ прославленіи (Филип. II, 6—11)²⁾. Ранѣе онъ недоумѣвалъ, чому можетъ учить человѣка уничтоженное явленіе Христа, теперь онъ увидѣлъ, что смиреніе Христа исцѣляетъ гордость и питаетъ любовь. Созерцая смиреніе и самоотреченіе Божества, человѣкъ не можетъ уже надмеваться гордостью и вслѣдствіе этого все болѣе и болѣе удаляться

¹⁾ Таково было отношеніе Августина ко Христу въ моментъ обращенія и въ слѣдущіе годы до посвященія, въ пресвитера, какъ это показываетъ анализъ сочиненій, относящихся къ этому періоду его жизни. См. O. Scheel, Op. cit. S. 20—71. W. Thimme, Augustins geistige Entwicklung in den ersten Jahren nach seiner Bekehrung 386—391. Berlin 1908. S. 152—159.

²⁾ Confes. VII, 14. Рус. п. I, 177.

отъ Бога. Въ примѣрѣ Христа, Августинъ почувствовалъ призывъ къ смиренію и всецѣлой преданности волѣ Божией, и этотъ призывъ нашелъ откликъ въ Его сердцѣ¹⁾). Но по-вѣривъ въ Божественную любовь, исходящую на землю и отказывающуюся отъ божественной славы для спасенія враговъ своихъ, Августинъ почувствовалъ въ себѣ отвѣтную любовь къ Богу какъ своему Спасителю²⁾). Не трудно понять, насколько эта форма религіознаго настроенія, легко получающая чисто личный характеръ, сильнѣе и интимнѣе платоническаго эроса. Каждый человѣкъ грѣшенъ, каждый враждебенъ Богу, поэтому снисходящая и жертвующая всѣмъ любовь Спасителя естественно становится въ глазахъ человѣка проявленіемъ любви божественной не вообще къ роду человѣческому, а именно къ нему лично. Любовь къ Богу, вызванная въ Августинѣ идеей Божественнаго милосердія, ищущаго доступа къ сердцу враговъ, отлилась у него въ такую именно личную форму. Когда впослѣдствіи предъ своимъ крещеніемъ онъ услаждался чтеніемъ псалмовъ, то ему казалось, что иѣкоторыя выраженія псалмопѣвца имѣютъ въ виду именно его и обращены какъ бы къ нему лично³⁾.

Такъ изображаетъ бл. Августинъ въ Исповѣди характеръ возникшаго въ немъ новаго религіознаго настроенія. Но при сопоставленіи этого повѣствованія съ тѣми данными, которыя можно извлечь по этому вопросу изъ сочиненій, составленныхъ тотчасъ послѣ обращенія, выясняется, что къ нему необходимо сдѣлать иѣкоторыя разъясненія и ограниченія. Точно отмѣчая въ другихъ случаяхъ всѣ моменты своего развитія, бл. Августинъ отказывается отъ обычной точности и раздѣльности, приблизившись къ событиямъ, окончательно опредѣлившимъ основы его теоретическихъ убѣждений и характеръ его религіозности. Его цѣлью было довести Исповѣдь до этого именно момента. Онъ не имѣлъ намѣренія отмѣтить измѣненій, произошедшихъ съ нимъ послѣ рѣшительнаго перелома и сводившихся въ сущности только къ углубленію и развитію достигнутыхъ результатовъ. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ онъ описываетъ въ Исповѣди,

¹⁾ Ibid. VII, 24. Рус. п. I, 189.

²⁾ Confes. VII, 14. Рус. п. 187

³⁾ Confes. IX, 9. Рус. п. I, 241—242.

возникшее въ немъ новое настроение не въ видѣ зерна, изъ которого впослѣдствіи выросли и характерная для него форма благочестія, и ученіе о благодати, и взглядъ на искупленіе, а въ видѣ завершенаго процесса, относя къ данному моменту все то, что было имъ обусловлено, и къ чему въ концѣ концовъ онъ привелъ. При анализѣ той группы раннихъ сочиненій Августина, о которой мы упомянули, становится ясно, что его религіозное чувство во время обращенія и вскорѣ послѣ него питалось, съ одной стороны, мистическимъ восхожденіемъ ума къ созерцанію Божественной Премудрости, съ другой, отношеніемъ ко Христу, какъ къ Учителю воздержанія отъ мірскихъ благъ. Его настроение еще окрашено неоплатонической мистикой, и эта черта преобладаетъ въ немъ надъ прочими. Въ области мысли его занимаютъ вопросы, навѣянныя чтеніемъ платониковъ. Наоборотъ, въ этихъ сочиненіяхъ не замѣтно большой начитанности въ Св. Писаніи. Соответственно этому Августинъ мало занимается въ нихъ проблемами христіанской догматики. Онъ еще не опѣнилъ искупительного значенія креста, смерти и воскресенія Господня, и его чувство не опредѣляется еще этими актами Божія милосердія. Мотивъ¹⁾ отвѣтной любви къ Богу, не пощадившему Сына Своего, но предавшему Его на смерть для спасенія враговъ Своихъ, не находитъ для себя выраженія въ этихъ сочиненіяхъ. Все это необходимо признать. Однако и въ раннихъ сочиненіяхъ Августина все же отражаются зачатки религіознаго настроения, возникновеніе которого онъ относить въ Исповѣди ко времени своего обращенія. Гордость и самоувѣренность его были сломлены, и онъ всѣмъ сердцемъ почувствовалъ необходимость благодати какъ для познанія истины, такъ и для чистоты жизни, а въ этой благодати онъ ощутилъ призывающее къ любви милосердіе Божіе. Въ этомъ отношеніи особенно выразительна молитва къ Богу, которой онъ начинаетъ свои *Монологи*. Мы позволимъ себѣ привести изъ нея наиболѣе характерныя выдержки. „Боже, Творецъ вселенной, даруй мнѣ, во-первыхъ, хорошо вознести къ Тебѣ молитву, потомъ стать достойнымъ того, чтобы Ты меня услышалъ, наконецъ, освободи меня... Услыши, услыши, услыши меня, Богъ мой, Господь мой, царь мой, отецъ мой,

¹⁾ De catechiz. rud. 7. 39. Serm XXXIV, 2, CCXV, 5.

причина моя, надежда моя, богатство мое, честь моя, домъ мой, отчество мое, спасеніе мое, свѣтъ мой, жизнь моя. Услыши, услыши, услыши меня тѣмъ обыкновеніемъ Твоимъ, которое въ совершенствѣ извѣстно немногимъ. Уже Тебя одного люблю я, Тебѣ одному слѣду, Тебя одного ищу, Тебѣ одному готовъ служить, потому что только Ты одинъ праведно господствуешь; хочу быть въ Твоей власти. Повели, молюсь, и прикажи что Тебѣ угодно, но исцѣли и открой слухъ мой, чтобы я услышалъ слова Твои. Исцѣли и открой очи мои, чтобы я увидѣлъ ими мановенія Твои. Изгони изъ меня безуміе, чтобы я снова узналъ Тебя. Скажи мнѣ, куда я долженъ направить взоры свои, чтобы видѣть Тебя, и я надѣюсь, что исполню все, что Ты повелишь. Прими обратно, молюсь, бѣглеца Твоего, Господа, милостивѣйшій Отецъ: довольно уже понесъ я наказаній, довольно послужилъ врагамъ Твоимъ, которые подъ ногами Твоими, довольно былъ игрушкою обмановъ. Прими меня, раба Твоего, убѣгающаго отъ нихъ, потому что и они приняли меня, чужого раба, когда я бѣжалъ отъ Тебя. Я чувствую, что долженъ возвратиться къ Тебѣ; пусть откроются мнѣ, стучащему, двери Твои; научи меня, какъ прйти къ Тебѣ. Нѣтъ у меня ничего другого, кроме воли. Ничего другого не знаю я, кроме того, что все текущее и гибнущее должно быть предметомъ презрѣнія, а все прочное и вѣчное предметомъ исканія. Я это и дѣлаю, Отецъ мой, потому что только это и знаю, во какимъ путемъ приходить къ Тебѣ, этого я не знаю. Ты внуши мнѣ, Ты покажи, Ты снабди и необходимымъ на дорогу. Если вѣрою находять Тебя прѣбывающіе къ Тебѣ, дай вѣру; если добродѣтелью, дай добродѣтель; если знаніемъ, дай знаніе. Умножь во мнѣ вѣру, умножь надежду, умножь любовь. О, достойная удивленія и единственная благость Твоя!“¹⁾). Здѣсь Августинъ еще считаетъ добрую волю своею собственностью, но уже умиляется любовью Божіей, преслѣдующей милостью убѣгающихъ отъ нея. Отдавая волю свою Богу, онъ видитъ теперь источникъ грѣха именно въ гордости²⁾). Наконецъ мы убѣждаемся, что въ это время его сердцу близко было уничиженіе и смиреніе Христа, но цѣль этого смиренія онъ полагалъ еще не въ примиреніи съ Богомъ враговъ Его голгоѳской жертвой, а

¹⁾ Soliloqu. I, 2. 4—5. Рус. п. II, 228. 231—232.

²⁾ De Music. VI, 40.

въ возбуждениі въ людяхъ смиренія примѣромъ отреченія Премудрости отъ Своей божественной славы. Люди желали богатства, стремились къ почестямъ, мечтали о потомствѣ, боялись позора, страданій, смерти, и эти страсти ввергали ихъ въ грѣхъ. Но воплощенная Премудрость отказалась отъ всѣхъ временныхъ благъ и претерпѣла всѣ виды страданій, чтобы вдохнуть людямъ презрѣніе къ славѣ и любовь къ страданіямъ¹⁾). Такимъ образомъ, всѣ существенныя черты религіознаго настроенія, возникновеніе которыхъ Августинъ относитъ въ Исповѣди ко времени своего обращенія, встрѣчаются, правда не въ столь опредѣленномъ и законченномъ видѣ, а лишь въ зачаточномъ состояніи, и въ сочиненіяхъ, близкихъ по времени самымъ событиямъ. Это признаютъ и изслѣдователи, особенно настаивающіе на разногласіи между Исповѣдью и ранними сочиненіями Августина²⁾.

Возникновеніе новаго религіознаго настроенія бл. Августинъ объясняетъ вліяніемъ на него Св. Писанія и особенно посланій ап. Павла, проповѣдника благодати. Нѣть сомнѣнія, что Писаніе послужило ближайшей и непосредственной причиной этого кореннаго переворота въ душевной жизни Августина. Но самая возможность такого вліянія на него Писанія была подготовлена опытомъ личной жизни. Посланія ап. Павла не произвели бы на него такого потрясающаго дѣйствія, если бы онъ познакомился съ ними въ дни своей задорной и самомнительной юности, для которой ея силы казались безграничными. Только ихъ испытанная слабость открывала доступъ къ его сердцу проповѣди о необходимости помощи свыше, только опытъ безуспѣшности стремленій и безсилія въ борьбѣ помогъ ему понять значеніе смиренія Христа. Къ этому отчасти приводилъ уже ходъ его интеллектуального развитія, такъ какъ во многомъ оно опредѣлялось событиями, совершенно независимыми отъ его воли. Оно получило бы, быть можетъ, совершенно иное направленіе, если бы въ его руки не попалъ Гортензій, если бы онъ не встрѣтился съ манихеями, если бы позднѣе онъ не познакомился съ св. Амвросіемъ, если бы, наконецъ, ему не посовѣтовали про-

¹⁾ De ver. rel. 30—32 ср. 70—71. Рус. п. VII, 25. 60—61.

²⁾ Loofs, Artik. Augustinus. въ Herzog-Hauch Realencyclopädie, 3 Aufl. B. I., S. 270, з. 2, 273, з. 58. O. Scheel, Op. cit. S. 71—76. W. Thimme, Op. cit. S. 54—58. 152—159.

честь Плотина. Да же, еще до своего обращения Августинъ чувствовалъ, особенно въ периодъ скептицизма, внутреннее безсиліе предъ лицомъ теоретическихъ противорѣчій, изъ которыхъ его умъ не находилъ выхода, и молился о божественной помощи¹⁾). Но испытавъ на пути своего умственного развитія большія затрудненія, онъ не ощутилъ однако здѣсь своего полнаго безсилія. И послѣ обращенія Августинъ сохранилъ убѣжденіе, что ему удалось выйти на прямую дорогу изъ дебрей, въ которыхъ онъ блуждалъ, только благодаря настойчивости и неустаниности исканій, что именно эта настойчивость и обезпечила ему помощь Божію²⁾). Опытъ полнаго безсилія ему дала не умственная, а нравственная жизнь: бесплодныя попытки освободиться отъ власти господствующихъ страстей, служеніе которымъ не давало ему удовлетворенія и все болѣе и болѣе наполняло горечью его душу.

Борьба двухъ воли и победа новой воли. Знакомство съ неоплатонизмомъ дало Августину не только основы новыхъ религіозныхъ убѣждений, но и опредѣленное настроеніе, потерпѣвшее измѣненіе подъ вліяніемъ посланій ап. Павла. Въ немъ возникла новая воля служить Богу безкорыстно и наслаждаться Имъ, какъ единственнымъ источникомъ истинной радости³⁾). Теперь онъ стремится не къ тому только, чтобы получить еще больше увѣренности въ бытіи духовной субстанціи Бога, а и къ тому, чтобы совершенно утвердиться въ Богѣ⁴⁾). Когда предвкушеніе истины возбудило въ немъ религіозный восторгъ, не могло уже быть никакихъ оправданій для нерѣшительности. Необходимо было твердо встуپать на новый путь. Но новая воля Августина была еще слишкомъ слаба и не могла побороть его прежней, страстной воли. Для послѣдней, правда, соблазны честолюбія уже утратили свою привлекательность. Общественная дѣятельность стала для Августина тяжелымъ бременемъ, потому что страсти честолюбія и корыстолюбія, которыя дѣлаютъ это бремя сноснымъ, отъ него ушли⁵⁾). Но въ немъ еще жива была страсть

¹⁾ De utilit. cred. 20. Contr. epist. Fund. 3.

²⁾ De liber. arb. I, 4.

³⁾ Confes. VIII, 10. Рус. п. I, 210.

⁴⁾ Ibid. VIII, 1. Рус. п. I, 197—198.

⁵⁾ Ibid. VIII, 2. Ср. VIII, 10. Рус. п. I, 198. 209.

къ женщинѣ¹⁾). Изъ извращености воли возникла страсть, отъ удовлетворенія страсти родилась привычка, послѣдняя, не встрѣчая сопротивленія, обратилась въ необходимость—таковы были звенья цѣпи, еще сковывавшей Августина²⁾.

Казалось бы, что это обстоятельство не должно было удерживать Августина отъ крещенія, такъ какъ церковь вовсе не ставить безбрачіе условіемъ вступленія въ число ея членовъ. Но Августинъ искалъ полной свободы и независимости, чтобы всесвѣто предаться чисто духовнымъ интересамъ, а бракъ неизбѣжно связалъ бы его и заставилъ бы его мириться съ тѣмъ, что онъ ощущалъ какъ нестерпимую тяжесть, съ общественною дѣятельностью и не обходимостью зарабатывать средства къ жизни³⁾. Эта коллизія побудила его обратиться за совѣтомъ къ престарѣлому пресвитеру Симплиціану, духовному отцу св. Амвросія, извѣстному своимъ широкимъ духовнымъ опытомъ⁴⁾. Изъ повѣствованія Исповѣди мы не видимъ, чтобы Симплиціанъ далъ опредѣленный совѣтъ по тому именно вопросу, который привелъ къ нему Августина. Это произошло, повидимому, отъ того, что Августинъ не успѣлъ довести до конца разсказъ о своей жизни⁵⁾ и объяснить цѣль своего посѣщенія, но былъ прерванъ Симплиціаномъ при упоминаніи о чтеніи сочиненій неоплатониковъ въ переводѣ Викторина. Старецъ зналъ Викторина лично, былъ свидѣтелемъ его обращенія ко Христу и, услышавъ его имя изъ устъ молодого ритора, увлекся желаніемъ разсказать послѣднему эту поучительную исторію. Викторинъ славился своимъ краснорѣчіемъ и глубокими познаніями въ философіи и свободныхъ наукахъ. Учитель многихъ сенаторовъ, онъ получилъ за свои общественные заслуги высшую почесть: еще при жизни ему была воздвигнута статуя на римскомъ форумѣ. Большую часть своей жизни онъ шелъ въ ногу съ римской знатью, предававшейся съ изступленіемъ увлечениемъ синкретическимъ культуамъ, но чтеніе Св. Писанія и произведеній христіанской литературы обратило его къ новой

¹⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 198.

²⁾ Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 209—210.

³⁾ Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 198—199.

⁴⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 198—199.

⁵⁾ Ibid. VIII, 1. 3. Рус. п. I, 198—200.

⁶⁾ Ibid. VIII, 2. Рус. п. I, 198—199.

религії, и онъ имѣлъ достаточно мужества, чтобы торжественно заявить объ этомъ. Въ римской церкви приступающіе къ крещенію читали исповѣданіе вѣры съ высокаго амвона, но допускались и исключенія. Не желая обострять отношений съ сильной въ Римѣ языческой партіей, клирики предложили Викторину совершить обрядъ тайно, но онъ отъ этого рѣшительно отказался и публично исповѣдывалъ свою вѣру, не считаясь съ возможными постѣдствіями¹⁾. Въ царствование Юліана, въ силу закона, запрещавшаго христіанамъ преподаваніе литературы и краснорѣчія, Викторинъ вынужденъ былъ прекратить свою общественную дѣятельность²⁾). Таковъ былъ разсказъ Симплиціана. Изъ него видно, что Викторинъ могъ служить для Августина примѣромъ независимости, а не примѣромъ воздержанія. Но Августина уже не привлекала карьера. Поэтому Викторинъ показался ему не столько сильнымъ, сколько счастливымъ³⁾), такъ какъ въ законѣ Юліана ему представился удобный случай совершенно порвать съ прошлымъ. Тѣмъ не менѣе разсказъ Симплиціана обострилъ внутреннюю борьбу Августина и создалъ мучительное состояніе колебанія и нерѣшительности. Августинъ сравниваетъ себя съ просыпающимся человѣкомъ, который знаетъ, что бодрствованіе лучше сна, но лѣнится превозмочь сладость утренней дремоты и невнятно лепечетъ: сейчасъ, сейчасъ, подожди немногого. Въ этой внутренней борьбѣ Августинъ по собственному опыту понялъ, что значатъ слова ап. Павла о борьбѣ закона плоти противъ закона ума⁴⁾).

Болѣе прямое отношеніе къ тому, что такъ занимало Августина, имѣлъ разсказъ Понтиціана о христіанскомъ монашествѣ, его возникновеніи, распространеніи и вліяніи. Однажды Августина и Алипія посѣтилъ Понтиціанъ, о которомъ мы уже упоминали. Увидѣвъ на игорномъ столикѣ посланія ап. Павла и получивъ отъ Августина признаніе, что онъ уже близокъ къ церкви, Понтиціанъ, благочестивый христіанинъ, нашелъ въ этомъ поводѣ разсказать своимъ друзьямъ о преп. Антоніи, житіе котораго, составленное св. Аѳанасіемъ,

¹⁾ Ibid. VIII, 3—4. Рус. п. I, 200—203.

²⁾ Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 209.

³⁾ Ibid. VIII, 10. Рус. п. I, 209.

⁴⁾ Ibid. VIII, 10—12. Рус. п. I, 209—212.

въ латинскомъ переводаѣ Евагрія, было очень широко распространено на западѣ и служило важнымъ факторомъ въ возникновеніи аскетического движенія въ западно-христіанскомъ обществѣ. Отъ Антонія разговоръ перешелъ къ египетскому монашеству и его подражателямъ на западѣ. Оказалось, что за стѣнами Милана существуетъ монастырь, пользующійся покровительствомъ св. Амвросія. Характерно, что все это было совершеною новостью для Августина: до сихъ поръ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія ни о преп. Антоніи, ни о монашествѣ, ни о монастырѣ близъ Милана. Въ заключеніе Понтиціанъ рассказалъ случай, свидѣтелемъ котораго онъ былъ въ Трирѣ, когда тамъ находился императорскій дворъ. Однажды, когда императоръ послѣ полудня присутствовалъ въ циркѣ, Понтиціанъ съ тремя другими придворными, воспользовавшись предоставленной имъ свободой, отправились на прогулку за городъ. За стѣнами общество раздѣлилось на двѣ группы по два человѣка. Два молодыхъ чиновника, отдѣлившись отъ Понтиціана, который шелъ съ третьимъ, продолжали свою прогулку и случайно набрали на монашескую хижину. Нужно имѣть въ виду, что въ Трирѣ жилъ въ изгнаніи св. Асанасій александрийскій, авторъ *Жизни Антонія*, горячай сторонникъ аскетического идеала. Монашеская хижина была очевиднымъ слѣдомъ вліянія изгнанника на западную церковь. Войдя въ нее, молодые люди увидѣли книгу, которую и стали читать. Это было житіе преп. Антонія. Неожиданное содержаніе этого сочиненія до такой степени ихъ поразило, что они рѣшили, не возвращаясь въ городъ, отказаться отъ своихъ должностей и невѣсть, съ которыми были обручены, и остаться съ монахами. Ихъ примѣру послѣдовали потомъ и покинутыя невѣсты¹⁾.

Эти примѣры были для Августина болѣе поучительны, чѣмъ обращеніе Викторина. Онъ не могъ оторваться отъ школы не потому, что она была еще привлекательной для его честолюбія, а потому, что не имѣлъ силы отказаться отъ брака и этимъ вынуждался продолжать свою общественную дѣятельность. Въ бесѣдѣ Понтиціана о монашествѣ на первый планъ выступалъ не отказъ отъ честолюбія, а идея чистоты, вну-

¹⁾ Ibid. VIII, 13—15. Рус. п. I, 212—217.

тренней борьбы съ грѣхомъ и плотью. Еще со времени знакомства съ Гортензіемъ Августинъ очень цѣнилъ философскую жизнь идержаніе¹⁾). Привлекательность этого идеала была одною изъ причинъ, побудившей его сблизиться съ манихеями. Теперь онъ впервые узналъ, что этотъ идеалъ съ возможнотою полнотою и рѣшительностью осуществленъ въ церкви и при томъ не философами, а людьми самыми обыкновенными²⁾). Впослѣдствіи это сопоставленіе монашескаго идеала съ аскетизмомъ манихеевъ послужило содержаніемъ для его полемического труда противъ послѣдователей Манеса³⁾.

Во время разсказа Понтиціана о христіанскихъ подвижникахъ Августинъ невольно сравнивалъ себя съ этими людьми. Яркимъ пламенемъ вспыхнула въ немъ совѣсть, освѣтившая предъ нимъ все его внутреннее существо, и въ этомъ пла- мени перегорѣли цѣпи, которыми онъ былъ еще связанъ. Онъ ясно увидѣлъ, въ какомъ состояніи позорной слабости онъ находился и какъ запятнанъ былъ внутренно. Чтобы утолить нравственную боль, онъ старается отвести своей внутрен- ний взоръ отъ себя самого, но слова Понтиціана снова и снова заставляютъ его думать о своей нечистотѣ⁴⁾). И чѣмъ привлекательнѣе были для него люди, освободившіеся отъ плотскихъ страстей, тѣмъ отвратительнѣе онъ казался самъ себѣ⁵⁾). Но въ разсказѣ Понтиціана былъ элементъ, который долженъ былъ усилить впечатлѣніе, вынесенное Августиномъ изъ чтенія ап. Павла, и напомнить ему, что нравственная чистота есть дѣло благодати Божіей, потому что въ аскетической литературѣ вообще и въ Жизни Антонія въ особенности выдвигается ученіе о духовныхъ дарованіяхъ, о Божественномъ призваніи къ чистотѣ и о самой чистотѣ какъ дарѣ Духа⁶⁾.

Когда Понтиціанъ ушелъ, Августинъ былъ въ чрезвычайномъ волненіи, и вся его вѣщность указывала на силу

¹⁾ Ibid. VIII, 17. Рус. п. I, 217—218.

²⁾ Ibid. VIII, 19. Рус. п. I, 219—220.

³⁾ De moribus ecclesiae catholicae et de moribus manichaeorum libri duo.

⁴⁾ Ibid. VIII, 16. Рус. пер. I, 217.

⁵⁾ Ibid. VIII, 17. Рус. п. I, 217—218.

⁶⁾ См. подробнѣе въ нашемъ сочиненіи Религіозный идеалъ Св. Атанасіяalexандрийскаго. Сергіевъ посадъ 1904 г. стр. 74—75.

охватившаго его аффекта¹⁾: Чтобы лучше обдумать положеніе, онъ удалился въ находившійся при квартирѣ садъ. За нимъ послѣдовала Алипій, не рѣшившійся оставить друга въ такомъ состояніи²⁾. Здѣсь произошла послѣдняя борьба между старой, полуразрушенной волей, и волей новой, все еще не достаточно полной и сильной³⁾. Въ самый острый моментъ этой борьбы Августину принесла на мысль, что всѣ тѣ юноши, лѣвы, вдовы, о которыхъ онъ только что слышалъ, достигли чистоты не собственными усилиями, но получили ее отъ Бога какъ даръ благодати, и въ немъ возникъ горячай порывъ всецѣло отдать себя въ руки Божіи и просить у Бога исцѣленія своего недуга⁴⁾. Онъ тотчасъ оставилъ Алипія, съ рыданіями повергся подъ смоковницей и обратился къ Богу съ пламенной молитвой о помощи⁵⁾. Какъ бы въ отвѣтъ на нее, онъ сталъ различать доносившійся изъ сосѣдняго дома дѣтской голосъ, безпрестанно повторявшій tolle, lege; tolle, lege (Возьми читай). Августинъ только что слышалъ отъ Понтиціана, что преп. Антоній почувствовалъ призваніе къ отшельничеству, услышавъ въ церкви, какъ бы къ нему лично обращенные слова Евангелія: пойди, продай имѣніе твое и раздай нищимъ (Мѳ. XIX, 21). Подъ впечатлѣніемъ этого разсказа онъ объяснилъ себѣ дѣтскій голосъ и произносимыя имъ странныя слова въ смыслѣ указанія свыше на то, что онъ долженъ взять Св. Писанія и прочесть первый открывшійся стихъ. Быстро вставъ и подойдя къ Алипію, онъ схватилъ кодексъ посланій ап. Павла, открылъ его и прочелъ слова: „Какъ днемъ будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ и пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти, но облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченія о плоти не превращайте въ похоти“ (Римл. XIII, 13—14). Въ этотъ моментъ его ветхая воля умерла, оковы спали, всѣ сомнѣнія исчезли и онъ почувствовалъ въ себѣ спокойную иувѣренную рѣшимость⁶⁾. Родился новый чело-

¹⁾ Ibid. VIII, 19. Рус. п. I, 219—220.

²⁾ Ibid. VIII, 19. Рус. п. I, 219—220.

³⁾ Ibid. VIII, 20—21. Рус. п. I, 221—222.

⁴⁾ Ibid. VIII, 27. Рус. п. I, 228—229.

⁵⁾ Ibid. VIII, 28. Рус. п. I, 230.

⁶⁾ Ibid. VIII, 29. Рус. п. I, 231.

въкъ съ новымъ характеромъ. Чувственность и честолюбивыя стремления потеряли съ этого момента всяку власть надъ волей¹⁾. Исповѣдь принято теперь провѣрять сопоставленіемъ ея съ сочиненіями Августина, написанными въ Кассиціакѣ. Въ этомъ случаѣ послѣдовнія служать разительнымъ подтвержденіемъ данныхъ Исповѣди. Въ нихъ не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ борьбы Августина съ чувственностью, и когда подумаешь, что эти діалоги написаны человѣкомъ, который, отпустивъ konkubину, только что проявилъ столько слабости въ этомъ отношеніи, то невольно начинаешь видѣть въ этомъ фактѣ удивительный примѣръ мгновенного, хотя и вполнѣ подготовленного измѣненія личности. То, что ранѣе Августинъ читалъ у ап. Павла и что слышалъ изъ устъ Понтиціана о безсиліи человѣка и о могуществѣ Бога, стало теперь его жизненнымъ опытомъ. Борьба, пережитая имъ, обратила его вниманіе на глубокій диссонансъ въ человѣческой природѣ, которая, высшей своей стороной стремясь къ идеальнымъ благамъ и соуслаждаясь закону Божію, въ своей низшей сторонѣ, которую осуждается, встрѣчаетъ непреодолимое препятствіе къ осуществленію своихъ идеальныхъ порывовъ. Мгновенное же исцѣленіе отъ укоренившихся привычекъ убѣдило Августина, что одинъ Богъ, винимая горячей молитвѣ вѣры, можетъ пересоздать человѣка внутренне и избавить отъ этого тѣла смерти²⁾.

Ив. Поповъ.

¹⁾ Ibid. VII, 30. Рус. п. I, 232.

²⁾ Ibid. VI, 20. Рус. п. I, 150—151.